

Весь мир к твоим ногам...

Черный город дымился. Фабрики коптили небо, и было невозможно определить, день это или ночь, потому что, независимо от времени суток, небо было беспроекторным. Трубы нефтеперерабатывающих заводов пыхтели без устали, и черное золото, которое раньше оседало в карманах частных владельцев, теперь текло в казну советской власти.

Лейла любила смотреть в окно. Это было как черно-белое кино, которое она когда-то крутила и подсматривала из проекционной в кинотеатре «Феномен». Казалось, совсем недавно она была еще девчонкой и, провожая отца, махала через это самое окно.

Отец шел на работу — он был единственным кормильцем. Работа была тяжелой, изнурительной, но он к этому привык, как лошадь привыкает к тому, что пахнет поле, или слоны в Индии, валившие лес до самой смерти.

Керим — так звали отца Лейлы — познакомился со своей будущей женой, когда они с ребятами после тяжелой трудовой недели наконец выбрались на дикий пляж. В их всегда чисто мужской компании вдруг оказалась девушка. Керим увидел ее и пропал. Девушку звали Лейла, и Керим в ту же минуту поклялся сам себе, что если у него когда-то

родится дочь, он назовет ее так же. Но Лейла пришла с другом Али, а значит, она его девушка — и это табу.

Молодые люди расположились на песке. Они частенько приходили на этот дикий берег. Иногда брали лодку у местных рыбаков и, накатавшись, обязательно привязывали назад. Лейла кокетничала и поглядывала на всех по очереди. Али махнул ей рукой, и она засеменила за ним. Через полчаса они вернулись. В принципе, можно было ничего и не заметить, но Керим уловил энергию. В воздухе витал запах разврата и чего-то запретного — того, о чем не принято говорить в их рабочей компании.

Али подошел к Кериму, отвел его в сторону и шепнул на ухо:

— Лейла — девушка для развлечений. Не смотри так на нее, брат! Она не для любви, а для утех.

— Как это — для утех?

— А вот так. Э-э-э, — протянул Али, — да в твои двадцать с хвостиком у тебя не было, что ли, никого? Иди и развлекайся! Я ее для этого сюда привел.

— Она такая красивая... — Керим покраснел. — Почему и зачем? Так нечестно...

— Это ее выбор. Она так хочет. Ей нравится. Не бойся, она сама все сделает — опытная. Только больше никому не говори. Не хочу, чтобы наши знали.

Керим посмотрел на Лейлу, и его сердце сжалось. Ком подкатил к горлу от несправедливости и жалости к этой молодой неразумной девчонке. Ведь советская власть для того и пришла, чтобы всех сделать достойными людьми. А тут вот тебе, пожалуйста, — буржуазный разврат! «В жизни не поверю, что она по доброй воле вот так!» — подумал Керим и направился к ней.

— Лейла, можно тебя на минутку?

Лейла с готовностью подошла к Кериму.

— Пошли, если хочешь. Не переживай — я давно совершеннолетняя.

— Ты хоть школу закончила?

— Четыре класса. Мне достаточно.

Керим смотрел на нее и понимал, что ни за что и никогда больше не сможет отпустить ее от себя. И ему совершенно все равно, что было до него и как. Значит, другого выбора не было у этой девушки!

— Послушай, Лейла, я сейчас скажу тебе... Нет, не так... — Он запинаясь. — Короче, я тебе делаю предложение. Выходи за меня замуж! Тебе больше не придется заниматься вот этим.

— Чем? — Лейла бесстыже улыбалась — ей нравилось, как смущался Керим.

— Да послушай ты! — Он прикрикнул и дернул ее за руку.

Лейла тут же притихла, и наглая улыбка сошла с лица.

— Мы сейчас просто уйдем и ничего не скажем. Завтра же нас распишут, и ты будешь моей женой. Я живу один. Точнее, с мамой. Отец давно умер. Маму зовут Марьям. Работаю на заводе. Зарплата у меня хорошая. Будем жить, как все нормальные люди. Или тебе нравится, чем ты занимаешься?

Лейла опустила голову и заплакала.

— Пошли домой.

Матери Лейла сразу не понравилась. Она смерила ее взглядом, как рентген, просветив насквозь все нутро, но сжала губы и постелила девушке в проходной. Затем зыркнула на сына и, покачав головой, пошла спать.

Керим обнял мать и, пожелав спокойной ночи, вернулся к Лейле.

— Пошли, чаю налью. Может, и поесть что-то осталось.

Лейла пила чай с сахаром вприкуску и с аппетитом ела заветренный хлеб с кусочком брынзы. Керим не мог оторвать от нее глаз. Она его сокровище, его находка, любовь всей его жизни — а завтра станет законной женой. И больше никто не посмеет обидеть или косо посмотреть на нее!

Детства у Керима не было, а сразу была взрослая жизнь. Отец привел его на завод еще мальчишкой — как чувствовал свою скорую смерть. Хотел, чтобы в доме остался кормилец и мужчина. Уже тогда, будучи неокрепшим подростком, Керим работал наравне со взрослыми — по пятнадцать часов в день — и получал семьдесят копеек за смену. Этих денег едва хватало на хлеб, и после смерти отца это был их с матерью единственный доход. Очень редко им улыбалась удача, и мать звали в богатые дома на подработку. Но обычно платили пайком. Она и этому была рада! Керим себя не жалел: порой работал в две смены — хотел прибавки, очень старался отличиться.

Бараки, где проживали рабочие, заступившие на смену, были совершенно не пригодны для жилья. Бытовые условия ужасные, все загрязнено нефтью и продуктами распада. Не было даже воды для питья. Рабочие порой собирали пресную дождевую воду и использовали ее для приготовления пищи. Мать Керима и другие женщины приходили к месторождению и тряпками собирали разлитую нефть в ведра, чтобы было чем отапливать жилище. Они возили ими, пропитывали, а затем выжимали черную густую маслянистую жижу в ведра. Эти женщины пахли мазутом, руки их были грубыми, под ногтями — намертво въевшиеся черные узоры.